

Конституционное право

МОСКАЛЕНКО Михаил Николаевич, нотариус,
нотариальный округ города Волоколамска,
кандидат юридических наук, Россия,
Волоколамск, (E-mail: 89152499929@mail.ru)

СУЩНОСТЬ И СПЕЦИФИКА КОНСТИТУЦИОННЫХ КОНФЛИКТОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. Конституционный конфликт, являющийся разновидность социального конфликта, охарактеризован в статье как реально существующие (конфликт между различными частями «народа» в его конституционно – правовом понимании), либо значительно чаще искусственно формируемые и представляемые обществу (в интересах группы лиц, партий, блоков и т.п.) противоречия, которые в первом случае могут быть разрешены на основе использования институтов, предусмотренных в Конституцией Российской Федерации (референдум и свободные выборы), а во втором – требуют применения норм, закрепляющих соответствующий вид юридической ответственности.

Ключевые слова. Конституция, право, государство, конфликт, революция, власть, конфликтология.

В теории конституционного *права*, как правило, не оспаривается тот факт, что конституционно-правовая сфера демонстрирует многообразие конституционных *конфликтов*. Так, например, «федеративные отношения, сталкивающиеся публичные и частные интересы, отношения между органами публичной *власти* в системе разделения *властей* и в системе «государство - местное самоуправление», взаимоотношения между *государством (властью)* и личностью буквально пронизаны противоречиями. Конечно, конфликтность изначально присуща всем общественным отношениям - развитие любого общества представляет собой сложный процесс, который совершается на основе зарождения, развертывания и разрешения объективных противоречий, *конфликтов*. Однако в сфере общественных отношений, составляющих предмет конституционного *права*, такие *конфликты* проявляются наиболее остро, поскольку затрагивают основополагающие конституционно защищаемые ценности» [1,12].

Мы полагаем, что использование термина «*конфликт*» позволяет исследовать всю совокупность разнообразных факторов, явлений, процессов, которые нашли свое воплощение в

источниках конституционного *права* и в практике российского конституционализма. Так, согласно ч. 1 ст. 85 *Конституции* Российской Федерации, Президент Российской Федерации может использовать согласительные процедуры для разрешения разногласий [здесь и далее – выд. М.М.] между органами государственной *власти* Российской Федерации и органами государственной *власти* субъектов Российской Федерации, а также между органами государственной *власти* субъектов Российской Федерации. В случае недостижения согласованного решения он может передать разрешение спора на рассмотрение соответствующего суда.

В соответствии с ч. 2 ст. 125 Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации разрешает споры о компетенции: а) между федеральными органами государственной *власти*; б) между органами государственной *власти* Российской Федерации и органами государственной *власти* субъектов Российской Федерации; в) между высшими государственными органами субъектов Российской Федерации. И, наконец, ст. 126 Конституции Российской Федерации определяет Верховный Суд Российской Федерации как высший судебный орган по гражданским делам, разрешению экономических споров.

Обращение к этим нормам позволяет конституционалистам утверждать, что «*Конституция* исходит из необходимости взаимодействия федеральных органов и органов субъектов Российской Федерации, поручая Президенту Российской Федерации обеспечение их согласованного функционирования, разрешение разногласий и предусматривая подключение судебных органов, в том числе и Конституционного Суда Российской Федерации, к разрешению *конфликтов власти* Российской Федерации и субъектов Российской Федерации» [2, 12]. Имеет место и утверждение о том, что «одна из точек если не *конфликта*, то напряжения между законодательной и судебной властью – это собственно осуществление судами конституционного контроля, т.е. особого вида правоохранительной деятельности, направленной на проверку различных нормативных правовых актов, в т.ч. законов, на предмет соответствия *Конституции*» [3, 212].

В конституционном законодательстве можно обнаружить и иные термины, в том числе «*конфликт* интересов» и т.п. [4]. Слово «*конфликт*» (от лат. *conflictus* – «столкновение») в научной литературе используется в различных контекстах [5, 23]. Одни исследователи понимает под *конфликтом* «форму проявления и разрешения межличностных и внутриличностных диалектических противоречий» [6, 12], другие - ситуацию, вызванную «столкновением каких-либо антагонистических тенденций (действий, позиций, взглядов, установок и т.п.)» [7, 51].

В.Н. Кудрявцев определяет *конфликт* как проявление объективных или субъективных противоречий, выражающееся в противоборстве сторон [8, 5]. По мнению Д.В. Богданова, *конфликт* есть «противоборство, взаимодействие противостоящих сил. Наиболее общий подход к определению *конфликта* состоит в определении его «через противоречие как более общее понятие, и прежде всего – через социальное противоречие. Социальный конфликт в своей сущности порождается природой общественной жизни. Социальный *конфликт* – своего рода способ взаимодействия социальных субъектов (людей, групп, обществ, *государств* и др.), который можно рассматривать как некую совокупность действий и их последствий» [5, 24].

Под социальным *конфликтом* А.В. Дмитриев понимает процесс, в котором два (или более) индивида или группы активно ищут возможность помешать друг другу достичь определенной цели, предотвратить удовлетворение интересов соперника или изменить его взгляды и социальные позиции [9, 55]. А.К. Саркисов определяет социальный *конфликт* как явление общественной жизни; это «особая подсистема в системе общественных отношений, устанавливающая прямые и обратные связи между элементами общества и обществом в целом на всех его уровнях; способ взаимодействия социальных субъектов (индивидов, социальных групп, общностей, обществ и *государств*) при несовпадении, полном или частичном, их интересов, желаний и потребностей, взглядов, целей или средств их достижения, обусловленном различием их социальных статусов (рангов) и ролей; процесс столкновения (инцидента) и

возникающего после столкновения противоборства двух или более указанных субъектов, завершающийся определенными последствиями, как для субъектов, так и для общества (его части)» [10, 38].

«Отметим, - пишет Д.В. Богданов, что для социального *конфликта* всегда необходимы, по меньшей мере, две противодействующие стороны. Их поступки обычно направлены на достижение взаимоисключающих интересов и, следовательно, сталкиваются. Поэтому социальный *конфликт* - это противоборство сторон с противоречивыми интересами. Именно противоборство, т.е. когда обе стороны совершают определенные действия, направленные друг против друга, надо понимать под *конфликтом*, который важно отличать от односторонних действий, хотя и способных носить насильственный, агрессивный или какой-либо иной неприемлемый для другой стороны характер, но не всегда перерастающих в противоборство. Следовательно, социальный *конфликт* можно определить как способ взаимодействия социальных субъектов при несовпадении их интересов и как процесс, выражающийся в противоборстве сторон и завершающийся определенными последствиями, как для субъектов, так и для общества» [5, 24. 11, 25].

Нам представляется, что наиболее целесообразно использовать термин «конституционный *конфликт*» как наиболее универсальную, обобщающую категорию. Так, именно этот термин наиболее часто используется при научном анализе сложной геополитической ситуации, сложившейся в настоящее время. Например, характеризуя принятое Европейским Судом по правам человека 4 июля 2013 г. Постановление по делу «Анчугов и Гладков против России», исследователи отмечали, что «в данном деле Европейский Судом по правам человека признан нарушение со стороны России статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции, гарантирующей *право* на свободные выборы, вследствие прямого запрета на участие в голосовании для лиц, осужденных к лишению свободы. Этот запрет вытекает из части 3 статьи 32 *Конституции* Российской Федерации, и соответственно, вопрос о последствиях *конфликта* между национальными конституционными и наднациональными нормами (или их толкованием) из теоретического превратился в

практический, требующий конкретного правового решения» [12, 94. 13, 6].

Важно отметить, что конституционный *конфликт* имеет своеобразный характер, что выделяют его из совокупности социальных *конфликтов*. Так, ученые пишут, что «своеобразие нормативно-юридического *конфликта* в конституционной сфере заключается в том, что он «прорывает» конституционную, правовую ткань *государства* и общества. *Конфликт* наносит удар, прежде всего по *Конституции*, а также по конституционному законодательству. Это объясняется характером объекта юридического конфликта, который касается преимущественно вопросов *власти* и управления» [8, 6].

Социальный *конфликт* наиболее часто определяют как способ взаимодействия социальных субъектов (индивидов, социальных групп и общностей, обществ и *государств*) при несовпадении, полном или частичном, их интересов, желаний и потребностей, взглядов, целей или средств их достижения, обусловленном различием их социальных статусов и ролей и основанном на автономии воли, в процессе столкновения (инцидента) и противоборства участников *конфликта*, завершающегося определенными последствиями как для этих субъектов, так и для общества или его части [14, 12]. При этом отмечается, что социальный *конфликт* выполняет две наиболее значительные функции: 1) выявления противоречий и 2) разрешения противоречий [15, 257]. В числе функций социального *конфликта* конфликтологи выделяют как негативные, так и позитивные функции [16, 22]. Так, В.И. Курбатов перечисляет функции: 1) образования социальных групп; 2) установления и поддержания нормативных и физических границ социальных групп; 3) установления и поддержания относительно стабильной структуры внутригрупповых отношений; 4) социализации и адаптации индивидов; 5) социализации и адаптации социальных групп; 6) создания и поддержания баланса сил; 7) оформления *власти*; 8) получения информации об окружающей среде; 9) стимулирования нормотворчества; 10) создания и укрепления социального контроля; 11) создания новых социальных институтов [17, 54].

«Социальный *конфликт*, - пишет С.А. Параскевова, – не

одномоментный акт, а процесс, протекающий в определенных границах и имеющий ряд характеристик. При описании *конфликта* в *конфликтологии* используются две модели - структурная и процессуальная. Первая из них фокусирует внимание на анализе условий, лежащих в основе *конфликта*, а также на установлении параметров, влияющих на конфликтное поведение. Вторая делает акцент на процессе протекания *конфликта*, т.е. на его возникновении, течении и конечном исходе» [16, 23]. Возможно и совмещение данных моделей с целью отобразить особенности структуры и динамики того или иного конфликта [18, 101].

Термин «конституционная *конфликтология*» не нашел своего широкого применения в теории конституционного *права*. Во многом это объяснимо и тем обстоятельством, что и юридическая *конфликтология* как таковая «в России находится в стадии зарождения, и многие ее положения еще не устоялись, не приобрели четких правовых характеристик. Поэтому изучение социального *конфликта*... требует анализа положений, разработанных как в юридической, так и в общей *конфликтологии*» [19, 21].

Тем не менее, представляется целесообразным использовать этот термин при характеристике сущности и специфики процесса реализации основных функций *Конституции* Российской Федерации. Можно разделить мнение о том, что «*Конституция* как основной закон *государства* призвана отражать на правовом уровне соответствующие противоречия и, по мере возможности, способствовать их разрешению с помощью специфического, юридико-правового конституционного инструментария воздействия на различные сферы общественных отношений ... эффективность конституционного регулирования, степень реальности провозглашаемых *Конституцией* демократических принципов во многом определяется глубиной ее проникновения в противоречия между *властью* и свободой, в природу других социальных конфликтов современного общества и *государства*» [20, 19].

Необходимо вспомнить, что один из наиболее значимых в истории России масштабных социальных *конфликтов*, который имел место в девяностых годах прошлого века и создавал угрозы

революционных событий, гражданской войны, удалось разрешить во многом на основе принятия *Конституции* 1993 г., которая, как точно отмечает В.Д. Зорькин, «предотвратила срыв России в анархию и хаос, предъявив стране новые фундаментальные правила жизни» [21, 2].

На данное обстоятельство обращают внимание многие авторы, когда пишут: «в современных *конституциях* и других, равных им государственных, актах, содержится запрет на разжигание социальной, в том числе и классовой, розни, а, следовательно, революционизм объявлен вне закона. В частности, в проекте *Конституции* России, опубликованном накануне референдума 1993 г., содержался запрет на разжигание именно классовой розни, хотя в текст *Конституции* не вошел, так как ее разработчики, видимо, решили, что он поглощается запретом социальной розни. С научных позиций это означает, что реставрация образа *революции* в современных условиях равнозначна государственному преступлению, так как направлена на подрыв конституционных основ демократического общества. Существует лишь один выход из данной ситуации, применимый для сторонников *революции*, - перенести центр революционной борьбы из классовой области в юридическую, так как все остальные способы трансформации конституционной *власти* запрещены законом. В ст. 13 *Конституции* России содержится запрет фактически на любую оппозиционную деятельность, так как под ее расплывчатые понятия можно подогнать любую доктрину как возбуждающую социальную рознь или подрывающую конституционные основы *государства*» [22, 2].

Небезынтересно отметить, что используя термин «прецедентная *революция*» Г.А. Гаджиев пишет: «*революции* в России, как известно, всегда происходили спонтанно. Страна бросается в омут изменений, не очень-то понимая, а что из этого получится, поскольку людей греет надежда, что уж в этот раз все будет не так. Хочется как лучше, получается как всегда» [23, 5]. Заметим, что термин «прецедентная *революция* используют многие авторы [24, 9].

«Конституционный *конфликт*» может носить, таким образом, и надуманный характер. Так реально – предотвращенный

конфликт, сопровождавшейся угрозой распада России, сменился этапам стабильного развития российского *государства*. Даже в условиях политического и экономического давления, «санкционного воздействия» на Российскую Федерацию, инициированного в 2014 г., уровень доверия россиян к *власти* остается, как свидетельствуют социологические исследования, очень высоким. Тем не менее, отдельные политики пытаются спровоцировать «видимость» нового *конфликта*; по их мнению, «в настоящий момент наблюдается увеличение дистанции между органами *власти* и населением. На международной научно – практической конференции «Народовластие и права человека», проходившей в 2012 г. в г. Москве, отмечалось, что современная государственная *власть* не учитывает, а подчас прямо игнорирует общественное мнение и обоснованную критику» [25, 103].

Впрочем, потенциал негативного варианта развития событий, с учетом исторического опыта России, изобилующего государственными переворотами и *революциями*, принимается органами государственной власти Российской Федерации во внимание. Так, Российская Федерация на встрече глав Министерств иностранных дел ОБСЕ в г. Базеле предложила принять документ о запрете антиконституционных государственных переворотов [26]. В 2015 г. появилась официальная информация о подготовке Министерством обороны Российской Федерации специальных подразделений, способных противостоять силам, пытающимся спровоцировать конфликтные ситуации, инициировать «сценарий цветной *революции*» в стране [27].

Недооценивать эти угрозы, действительно, опасно. Так, еще в 2006 г. конституционалист Л.А. Нудненко отмечала, что «происходящая в настоящее время экспансия идеологии прав человека в ее западной трактовке в современную правовую реальность Украины и России ведет скорее к противостоянию цивилизаций, нежели к универсализации прав человека» [28, 34]. К сожалению, менее чем через десять лет этот прогноз частично оправдался.

Некоторые авторы полагают, что «революционные перевороты, безусловно, ломали законность и беззакония старого

строя и закладывали основы новой законности и нового беззакония. Так было во всех странах мира, где происходили *революции*. Если они увенчивались успехом, если бунт, мятеж, переворот приобретали статус *революции*, их результаты и их «законность» со временем признавалась и народами соответствующих стран, и всем миром» [29, 86]. Мы не можем разделить такую позицию, ибо она, пусть и с оговорками, оправдывает революционные события. Фактически ее логическим продолжением может стать утверждение о том, что «назрела необходимость гарантировать народу легальные политические средства воздействия на *власть*; к ним относятся различные формы прямой демократии, в том числе массового протеста против политики, не соответствующей воле и интересам народа либо его части» [30, 16]. Имеют место призывы закрепить в главе 1 *Конституции* России положение о *праве* и обязанности народа противостоять нарушениям основ конституционного строя России и т.п. [31, 129].

Спорный характер этих утверждений не всем конституционалистам представляется очевидным, хотя, например, «изменить» первую главу *Конституции* Российской Федерации невозможно, необходимо принятие новой *Конституции* и, стало быть, будет иметь место нарушение принципа стабильности конституционного строя и режима. Актуальность этих тенденций отмечается В.Д. Зорькиным: «нарастающий *конфликт* между лежащими в основе *права* моральными нормами, массово укорененными в обществе, и тенденциями пропагандируемых и наблюдаемых изменений в российской реальности является одним из важнейших факторов растущего социокультурного раскола. Именно из-за обострения этого *конфликта* многие эксперты считают нынешнюю относительную российскую стабильность хрупкой и неустойчивой» [21, 3].

Автор солидарен с теми исследователями, которые пишут: «и, все-таки, полагаем, что наилучший способ борьбы с безответственностью субъектов конституционных правоотношений... это не «великие потрясения», а эволюционный путь развития, путь воспитания правовой и гражданской культуры как народа, в целом, так и его представителей, которые,

кроме того, являются еще и представителями *власти*» [30, 17]. А.И. Солженицын в этом плане отмечал, что «для сложных вопросов государственной жизни члены народного представительства должны обладать жизненным опытом и глубоким мирозерцанием. Чем менее просвещен человек умственно и духовно, тем с большей самоуверенностью и легкомыслием он готов разрешать самые сложные проблемы жизни; чем большим развитием ума и духа обладает человек, тем осторожнее и осмотрительнее относится он к устройению жизни общественной и частной. Чем менее опытен человек в жизни и государственном деле, тем более он склонен к восприятию самых крайних политических и социальных увлечений» [32, 198].

К числу попыток создать условия «искусственных» конституционных *конфликтов* мы относим и дискуссии о том, «могут ли сосуществовать конституционализм и сильное *государство* одновременно в одной стране? И если это *государство* - Россия, как в рамках действующей *Конституции* согласовать и обеспечить неэфемерное осуществление принципов российского конституционализма и сильного *государства*, ответственного за социальную и экономическую политику, способного преодолевать проблемы злоупотребления правами и противодействовать коррупции в публично-правовой сфере» [33, 4]. На наш взгляд, правовое *государство* и представляет собой «сильное» *государство*, ибо в противном случае неизбежно умаление его суверенитета и, соответственно, профанация конституционного принципа народовластия. В этом контексте можно отметить, что «прямое участие *государства* происходит в социальных *конфликтах* (где оно выступает в качестве суверенного субъекта системы общественных отношений) или при участии его в *конфликтах* посредством органов государственной *власти* и управления (правоохранительных, судебных, налоговых и т.д.). Появление *государства* на какой-либо стадии *конфликта*, когда определились первоначальные участники *конфликта*, не делает *государство* неким «третьим лицом», так как *государство* обязательно либо встает на сторону одного из первоначальных участников, либо объявляет действия всех участников неправомерными и по-своему определяет течение и завершение

конфликта. Потенциальное участие *государства* определяется системой установленных им правовых норм. Если участники *конфликта* нарушают или неправильно применяют нормы *права*, система норм предполагает обязательное вмешательство *государства в конфликт*» [14, 12].

Под конституционным *конфликтом* понимают и «политический тип социальных *конфликтов*, который посредством конституционных процедур может быть трансформирован в юридически значимые, порождающие правовые последствия» [34, 95]. Вместе с тем, ряд авторов отмечает, что «во-первых, конституционные *конфликты* являются политическими *конфликтами*, т.е. возникают в той или иной степени по поводу государственной *власти*. Именно политическая природа основания конституционно-правового принуждения не позволяет сводить его исключительно к правонарушению. Во-вторых, наличие особого властного конституционно-правового статуса у одного из участников *конфликта*. В-третьих, конституционным *конфликтам* не обязательно присущи свойства противоправности и виновности. Например, отрешение от должности Президентом Российской Федерации высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в связи с утратой доверия Президента Российской Федерации не обязательно связано с противоправным либо виновным поведением высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, - причиной тому может служить политическая целесообразность, иначе – возникший конституционный *конфликт* между федеральной и региональной *властью*» [35, 7]. При этом отмечается, что «правонарушение является наиболее общественно опасным видом *конфликта*...родовая связь правонарушения (конституционного деликта) с конституционным *конфликтом* проявляется в том, что даже тогда, когда явно нарушены интересы одной из сторон правоотношения, закрепленные в правовых нормах, такая ситуация не может быть охарактеризована исключительно как правонарушение, - здесь речь идет о *конфликте*, основанном на противостоянии сторон, где преобладающим, как правило, является какой-либо один фактор (политический в конституционно-правовом принуждении). В дополнение к этому

действующая *Конституция* Российской Федерации в целом ряде статей содержит конфликтный тип взаимоотношений субъектов конституционных правоотношений (ст. 10, 13, 76, 105 и др.)» [35, 8].

Нам представляется, что при таком подходе имеет место определенное смешение понятий «конституционный *конфликт*» и «конституционная ответственность». Так, И.А. Володько отмечает, что «наличие конституционных *конфликтов* означает, что в рамках общественных отношений, представляющих ценность для конституционного *права*, возникли определенные аномалии, от разрешения которых зависит стабильность фактической *конституции*. И в силу того, что эти отношения суть конституционно-правовые, необходимо и оправданно для разрешения конституционного *конфликта* применение мер государственно-правового принуждения, степень принудительности которых варьируется. Данное обстоятельство подтверждается также тем фактом, что в научных работах по теории *права* сделан вывод о том, что применение государственно-правового принуждения желательно за поведение, которое хотя и не противоречит правовым предписаниям, но граничит с противоправным поведением. Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что наличествует особое основание для применения государственно-правового принуждения в конституционном *праве* - конституционный *конфликт*» [35, 8-9].

В этом плане более обоснованной представляется позиция Т.М. Пряхиной, которая под конституционными *конфликтами* понимает «имеющие политико-правовую природу формы взаимодействия субъектов конституционных отношений, обусловленные необходимостью разрешения разногласий по вопросам признания, реализации, защиты интересов субъектов, представляющих ценность с точки зрения их социальной значимости» [36, 20].

Итак, на наш взгляд, конституционный *конфликт*, являющийся разновидность социального *конфликта*, может быть охарактеризован как реально существующие (*конфликт* между различными частями «народа» в его конституционно – правовом понимании), либо значительно чаще искусственно формируемые

и представляемые обществу (в интересах группы лиц, партий, блоков и т.п.) противоречия, которые в первом случае могут быть разрешены на основе использования институтов, предусмотренных в *Конституцией* Российской Федерации (референдум и свободные выборы), а во втором – требуют применения норм, закрепляющих соответствующий вид юридической ответственности.

Список литературы:

1. Никитина А.В. Понятие и сущность конституционно-правовых споров //Юридический мир. 2014. № 8. С. 12 - 16.
2. Организация государственной власти в России и зарубежных странах: учебно-методический комплекс //С.А. Авакьян, А.М. Арбузкин, И.П. Кененова и др. /Рук. авт. кол. и отв. ред. С.А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2014. 692 с. С. 12.
3. Современные проблемы организации публичной власти: монография //С.А. Авакьян, А.М. Арбузкин, И.П. Кененова и др. /Рук. авт. кол. и отв. ред. С.А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2014. 596 с. С. 212.
4. Федеральный конституционный закон от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ (ред. от 23.05.2015) «О Правительстве Российской Федерации» //Российская газета. № 245. 23.12.1997.
5. Богданов Д.В. Соотношение категорий «социальный конфликт», «юридический конфликт», «правовой конфликт», «налоговый конфликт» //Финансовое право. 2012. № 3. С. 23.
6. Баев О.Я. Конфликтные ситуации на предварительном следствии: Основы предупреждения и разрешения. Воронеж, 1984. С. 12.
7. Панасюк А. Разрешение конфликтных ситуаций: стратегия и тактика судьи //Российская юстиция. 1997. № 5. С. 51.
8. Юридическая конфликтология // Под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1995. С. 5
9. Дмитриев А.В. Конфликтология: Учеб. пособие. М., 2002. С. 54 - 55.
10. Саркисов А.К. Юридическая конфликтология: Краткий курс лекций. М.: ВГНА, 2006. С. 38.
11. Баранов В.М., Худойкина Т.В. Теория юридического конфликта: философские и социолого-правовые аспекты //Юрист-правовед. 2000. № 1. С. 24 - 25.
12. Филатова М.А. Конфликты конституционных и наднациональных норм: способы преодоления (на примере Европейского союза и правовых систем государств - членов ЕС) //Международное правосудие. 2013. №4. С. 94 - 106.
13. Ковлер А.И. Избирательное право и его избирательное толкование //Права человека. Практика Европейского суда по правам человека. 2013. № 10. С.6.
14. Саркисов А.К. Судебная оценка социального конфликта в сфере налоговых отношений //Российский судья. 2005. № 7. С. 12.
15. Кудрявцев В.Н. Юридическая конфликтология //Кудрявцев В.Н. Избранные труды по социальным наукам. В 3-х т. Т. 2: Криминология, социология, конфликтология. М., 2002. С. 257.

16. Параскевова С.А. О функциях социального конфликта и правовых средствах его диагностики //Юрист. 2006. № 10. С. 22.
17. Конфликтология //Ю.Г. Запрудский, В.Н. Коновалов и др. Ростов-на-Дону, 2000. С. 54
18. Кибанов А.Я., Ворожейкин И.Е., Захаров Д.К., Коновалова В.Г. Конфликтология //Под ред. А.Я. Кибанова. М., 2006. С. 101
19. Параскевова С.А. Гражданское правонарушение в характеристике социального конфликт //Социальное и пенсионное право. 2006. № 3. С. 21.
20. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. М.: ЗАО Юстицинформ, 2005 С. 19.
21. Зорькин В.Д. Проблемы конституционно-правового развития России (к 20-летию Конституции Российской Федерации) // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 2. С. 1 - 9.
22. Андреева О.А. Феномен революции в истории государства и права //История государства и права.2010. № 19. С. 2 - 5.
23. Гаджиев Г.А. Методологические проблемы «прецедентной революции» в России //Журнал конституционного правосудия. 2013. № 4. С. 5 - 8.
24. Антонов М.В. О некоторых теоретических вопросах «прецедентной революции» в России //Журнал конституционного правосудия. 2013. № 4. С. 9 - 14.
25. Лукьянчикова Л.В. Институт всенародных обсуждений в России: историко – правовой аспект //Государство и право. 2014. № 10. С. 103.
26. <http://news.meta.ua/archive>
27. <http://archive.kremlin.ru/text>
28. Нижник Н.С., Румянцева В.Г., Карчевская Н.И. Обзор Международной научно-практической конференции «Правовые механизмы предотвращения и преодоления социальных конфликтов», Севастополь, 29 - 30 сентября 2006 г. //История государства и права. 2006. № 12. С. 34.
29. Мартышин О.В. Революция и развитие российской государственности //Государство и право. 2007. № 11. С. 86.
30. Добрынин Н.М. О сущности конституционно – правовой ответственности //Государство и право. 2014 № 11. С.16.
31. Бутусова Н.В. Проблема конституционно – правовой ответственности российского государства //Конституционно – правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран /Ред. С.А. Авакьян. М.: МГУ, 2001. С. 129.
32. Солженицын А.И. Красное колесо («Узел второй»). В 10-и томах. М., 1993. С. 198.
33. Кравец И.А. Два гаранта Конституции в российском конституционализме и концепция сильного государства //Конституционное и муниципальное право. 2014. № 1. С. 4 - 7.
34. Астахов П.А. Юридические конфликты и современные формы их разрешения (теоретико-правовое исследование): дисс...докт. юрид. наук. М., 2006. С. 95-96.
35. Володько И.А. К вопросу о понятии конституционно-правового принуждения //Конституционное и муниципальное право. 2014. № 4. С. 7 - 8.
36. Пряхина Т.М. Конституционные конфликты //Государство и право. 2004. № 11. С. 20.